

УДК 130.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

М.А. Петина

Самара

Самарский государственный институт культуры
petinovama@samgik.ru

ВРЕМЯ В ОПТИКЕ ДЕСУБСТАНТИВАЦИИ

В данном исследовании рассматривается соотносительность времени как фундаментального параметра представлений о мире с сознанием и культурой. Автор раскрывает связь времени и языка, предпринимает лингвистический анализ значений слова «время», выявляя его этимологические различия в индоевропейских языках. Затрагивается вопрос о метафорической образности времени в языке. Осуществляется историческая реконструкция взглядов на время в оптике десубстантивации через Аристотеля к Аврелию Августину, Мартину Хайдеггеру и Эдмунду Гуссерлю. На примере рецепции музыкальных тонов анализируется процесс синтезирования темпоральных восприятий в сознании.

Ключевые слова: время, феномен, темпоральность, Аристотель, Августин, Хайдеггер, Гуссерль, музыкальный тон.

Время – это мысль или мера,
но не субстанция.

Антифон

Время как ключевая категория западноевропейской мысли является непреходящей темой как для науки, так и человека. Сложность постижения времени состоит в том, что оно не обладает характеристиками физического тела: нет ни тяжести, ни протяженности, ни телесности, т. е. ничего из того, что можно наблюдать. В этой связи закономерен вопрос Ф. Артога: «Как увидеть еще никогда не виданное и как высказать еще никогда не высказывавшееся; как уловить и высказать время, уже не совпадающее со вчерашним?» [1, с. 59]. Но метафизический объект, согласно «Категориям» Аристотеля, может быть наделен статусом бытия при условии его представленности как сущего, так и его именованя. Свое существование время «демонстрирует» через движение. «Движение, – по словам Аристотеля, – мера измерения времени». Таким образом, признак своего реального существования время проявляет через формальное «изменение».

А вот само слово «время» как объект присутствует через номинальное обозначение себя в понятии [2].

Метафизичность времени, его слитность с сознанием, десубстантивация стали новой оптикой в XI книге «Исповедей» Августина. Средневековый философ, рассуждая о времени, устанавливает свой собственный философский метод: вопрошать о том, что парадоксально. «Осмелится ли кто сказать, что можно измерить несуществующее?» – так звучит один из многих вопросов Аврелия Августина [3, с. 16].

Разнообразие представлений о времени, сложившееся в культуре, можно проследить в когнитивных схемах, следы которых наличествуют в этимологии слов. Время укоренено в языке, в модусе глагола «быть», его спряжениях прошлого, настоящего и будущего. «Все вещи, то есть сама реальность выражается словами» [4, с. 16]. Каждое «новое человеческое слово... ловит сотворенный мир, через которое “видится” нетварное, понимание которого изменяется в зависимости от произнесенных человеком слов» [4, с. 12].

Об этом писал и М. Хайдеггер, подчеркивая, что повседневность «жизненного мира», отображаемая в языке, тонко фиксирует все изменения в настройках и образах, которые несут социальные процессы, и меняет лингвистические структуры, в то же время сохраняя их узнаваемость («лишился чувств-с», «обморок», «отключился» – разные лингвоформулы одного явления – потери сознания, которые в разные эпохи выражались в речи симптоматично историческому времени).

Так, если обратиться к «Словарю избранных синонимов важнейших индоевропейских языков» Карла Дарлинга Бака, время первоначально обозначало «наглядные меры, с помощью которых сознание метафорически пыталось ухватить феномен времени: отрезки, точки, порции, охваты» [5, р. 953-955]. В частности, латинское слово «tempus» восходит к индоевропейскому корню «... со значением “тянуть”, т. е. означает первоначально “меру длины”» [6, с. 114]. От того же корня происходят английское time и немецкое Zeit. Греческое слово *χρονος* происходит «от глагола со значением *хватать*», индоевропейское **ǵh₂er-* – это изначально «охват, объем», как бы «круг событий» [6, с. 115]. Таким образом, «в греческом, латинском и германском ареалах культуры понятие “время” тесно связано первоначально с понятием “ограниченное, или обнесенное оградой, пространство (нашего) мира”, причем некоторые материальные приметы последнего – “забор”, “колонна”, “дерево, стоящее в центре” и т. п. символизируют одновременно как пространство этого мира, так и время событий, протекающих в этом пространстве, собственно – “круг событий”» [6, с. 117], «временная ограда».

На основании исследования языка академик Ю.С. Степанов выделяет три последовательно возникавшие формы осмысления темпоральности [6, с. 117-121]. Это циклическое, линейное и промежуточное «разом данное время». Последнее метафорически вырас-

тает из представления о времени как «потоке», «течении реки», как «разом данное». Такая интегральная идея времени, связанная с движением, процессуальностью, с одной стороны, дана как некая целостность, с другой стороны, для нее характерна внутренняя экспрессивность, алогичность, непостоянство и стихийная непредсказуемость, сила. Сравним, древнеанглийское *prag* «время», но немецкое *stark* «сильный»; осетинское *dug* «время», но русское *дюжий* [7, с. 96].

Исторически последующая концептуализация времени образуется на уровне абстрактно-логических структур, терминологии и понятий науки, идеальных типов и ноуменов кантовской теории. В качестве уже не наглядного, а вполне абстрактного «образа» размерности пространства и времени можно было бы привести включение измеримости данных категорий посредством математического числа.

Укорененность времени в природу когнитивных, познавательных способностей человека (по Канту, время и пространство – априорные формы созерцания), осознание человеком длительности, протяженности, временности, конечности как темпоральных переживаний, включенных в универсальные, базовые его способности, не только инициирует вопрос о том, что есть человек, но и включает последнего в формирование и созидание культуры как ценного бытия.

Время и сегодня остается для человека значимым отрезком, ценностно окрашенным периодом, формируя образные сравнения, метафоры в языке. «Время ускользает», как «песок сквозь пальцы», очерчивает границы важных периодов жизни: «время детства, юности, зрелости», становится важным моментом для принятия значимых решений и свершения поступков – «время собирать и разбрасывать камни». В любом случае, для человека время – период событий, сопряженных с его активностью, деятельностью: «Делу время, потехе час»,

«Всеу свое время». Делать означает быть во времени, в темпе, руководствуясь знанием дела. Если ничего не делать, времени словно и нет. Ничего не деля, мы живем в чем угодно, среди чего угодно, но не во времени. Мы так и говорим: «У меня нет времени это сделать». Сравним хеттское *mehur* «время», но английское *make* «делать»; древнеиндийское *kala* «время», но индоевропейское **kel* – «делать, совершать» [7, с. 92], русское *колесо*. Более того, ощущение времени настолько пронизывает все существо человека, что когда вышел русский перевод «Бытия и времени» М. Хайдеггера, «вся онтология стала называться темпоральной наукой, и все ее положения – это темпоральные положения» [4, с. 2].

Категории «время» и «пространство», относясь к фундаментальным ориентирам человека в мире, закономерно сопряжены с вопросами о его строении, мироздании, о явлениях в области природы, общества и пр. В этой связи вопрос о мире и его конститутивных атрибутах – один из самых древних. А вопрос о феноменах, о познании и представлении о мире, его непосредственных ощутимых проявлениях имеет также давнюю историческую традицию, достигшую своей кульминации в феноменологическом учении XX века. Феномен в общем смысле – это то, что переживает и представляет человек под влиянием воздействия физических и психических явлений. Это не мир, а представление о нем (И. Кант), всегда «самость в себе» [8, с. 11]. В истории новейшей философии сместились эпистемологические акценты на предмет исследования мира: с физических феноменов – воздух, атомы, формы на субъектность, ставшую тем центром превращения элементов в феномены, той точкой зрения, из которой создается познание и деятельность субъекта и закладывается основание для описания внутреннего опыта сознания. Последний складывается из первичного опыта «различий и различения различий»,

«фиксации смысловых изменений» [8, с. 13], позволяющих провести границу внутренней и внешней рецепции.

В традиции Гуссерля феномены – предзаданный горизонт, интенциональный фон, определяющий смысл постижения предметов. М. Хайдеггер, напротив, лишает мир феноменальности, говоря о том, что мир есть система действий, «взаимосвязь отсылок» [8, с. 13]. Но для того чтобы определиться с пониманием времени и отнесением его в системе субъектности, В.И. Молчанов к первичным феноменам, т. е. к таким, которые формируют объективные характеристики мира, относит пространство, суждение, телесность. А время, восприятие и объект характеризует как «тени» перечисленных феноменов и называет их «квазифеноменами». Если пространство, суждение и тело осуществляются непосредственно, то время, восприятие, объект даны опосредованно. Другими словами, время нуждается в пространстве, восприятие – в суждении, объект – в телесности. Но не наоборот. И главное, феноменологическая логика описывает окружающий мир не как тот, что состоит из феноменов и квазифеноменов, а как различие между ними.

Различие – важная и существенная призма и оптика в области философии культуры, термин «различие» становится особым предметом изучения у Ж. Деррида [9] и Ж. Делёза [10]. До XX в. ведущей логикой и принципом была идея «тождества», «математического уравнения», уравнивания, отождествления, которая устанавливала принципы всеобщности, прогресса, унификации и трансцендентального начала. Идея различия вводит небытие, нехватку, *peçans*, «нетствование» как продуктивную силу истории и источник творчества в культуре. В данной логике мир культуры сущностно по своей природе историчен, темпорален, т. е. открыт появлению иных состояний, в которых нет места ограничению и «последней мысли», всегда развернут в горизонте бесконечности смены состояний и обретения нового.

Время как смена состояний получает свое абстрактное выражение в представлении «дления», «течения» моментов-состояний. Первое определение времени, как мы уже говорили в начале данного текста, было дано Аристотелем в контексте его пространственных характеристик: время – мера движения, в котором соотносятся разные моменты «теперь». Такое равномерное распределение моментов укоренилось в сознании и было дополнено еще одним важным понятием в теории А. Бергсона – *durée* – дление времени, длительность, текучесть [11, с. 101-102, 137]. Время – длительность в объективном мире. Оно неоднородно и имеет различные показатели, характеристики как для вещей, процессов, состояний, так и человека. Например, для тел время индифферентно, факультативно, вещи не конституированы временем, а напротив, разрушаются им. Для человека время – некий «компас», ориентация на жизненном пути, невозобновляемый ресурс, нехватка, потому – ценностно и значимо. Лишь человек «может придать мгновению длительность» – писал И.В. Гёте. Вне человеческого мира время не существует. И. Кант описывал время как трансцендентальное (всеобщее для *Homo sapiens*) основание априорной чувственности наряду с пространством, отвечающее за ощущение длительности, необратимости процессов; как некая фундаментальная операционная система «в нас», позволяющая упорядочивать в сознании хаос воспринимаемых ощущений извне. Функция времени как квазифеномена – в организации хронологии событий в контексте их значимости и смысловой определенности. Поэтому времен много, как много периодов социальной значимости, в границах которых протекает тот самый ценностно измеряемый период: время сражений, время отдыха, время календарное деятельностное, время возраста и свершения исторических событий, молитв и творчества. Время как бы навязывает свои отнесенности с социумом и дик-

тует свой порядок, от которого, кажется, нельзя освободиться. Оно то как подвижный образ вечности (средневековая картина мира) или число движения (аристотелевская картина мира и в целом характеристика физической картины мира), то протяжение души (психологическая трактовка Аврелия Августина) или априорная форма чувственности (кантианская теория Нового времени), то как жизненный порыв, длительность (философия жизни постклассической европейской философии В. Дильтея, А. Бергсона) или бытие и забота (экзистенциализм М. Хайдеггера).

Время как творчество (например, конструкт музыкального времени, воплощенный в графическом виде (текст партитуры) и реализуемый в живом исполнении) дает пример операционного обращения со временем, демонстрируя возможности для его конструирования: установление границ длительности, скорости, ритма, длительности смысловых моментов тишины – пауз и т. д. Как пишет В.И. Молчанов – это «транспортное средство, приспособляемое для самой разной смысловой нагрузки» [8, с. 267], виртуальный посредник для познания и эмоций. Быстрее, торопись или, напротив, «остановись, мгновенье» – эти и многие другие воображаемые трансформации наличного бытия есть примеры медиальной функции времени, выражающей экстазис, поток сознания, длительность. Последняя позиция представлена экзистенциальной философией М. Хайдеггера, который усматривал в экстазисах «прошлого-настоящего-будущего» с привилегией модуса «будущего» формы организации человеком своей способности быть, формы обретения бытия, его актуализации, проектирования, созидания. Время сопричастно сознанию и создает с ним неразрывную смысловую связь; смысловой координатор, отмеряющий период значимой длительности момента, который может длиться столько и так долго, пока не будет завершено действие, пока

не будет достигнута цель. И это действующее состояние – «стояние» деяния – актуальное настоящее, пока цель не достигнута – время остановлено, «стоит». Данная категория может проявляться в объективированных координатах измерения – секунды, минуты, часы. Перечисленные позиции времени: смысловые, функциональные, объективно-физические, описывают значимость культурного пространства, его конкретный период, обладающий ценностью и смыслом для человека.

Весомый вклад в осмысление времени в аспекте его десубстантивации внес Эдмунд Гуссерль в труде «Феноменология внутреннего сознания времени». Если М. Хайдеггер разрабатывал теорию экзистенс-темпоральности, в которых *будущее* является определяющим фактором смыслообразования человеком самого себя, то для Э. Гуссерля в его теории источников и механизмов «удержания» психических феноменов в сознании, напротив, *прошлое* становится довлеющим и ведущим фактором смыслообразования, поскольку мыслитель исходил из допущения, что время – многолойная область переживаний, структурируется посредством способности к воспоминанию. Более того, каждое воспоминание изменяет структуру каждого мгновения, в котором оно оказалось [12, с. 25]. Исходным положением Э. Гуссерля является установка о наличии в сознании структуры внутреннего восприятия, упорядоченной и представленной как темпоральная или временная структура. Тем самым время-сознание – это и есть временной опыт, имеющий трансцендентальные основания.

Как можно данный тезис пояснить практическим примером? Посредством обращения к мелодии, ибо она одна из многих физических феноменов наиболее абстрактна и близка к метафизической природе осознания времени. Гуссерль спрашивает: почему мы воспринимаем звуки мелодии не отдельно друг от друга, а как целостность, как про-

изведение? И решение данного вопроса раскрывается не в существе звуков, но связано с чем-то, что внутри нас определяет последовательность данных слуховых эффектов как связь элементов в мелодическое целое. Все моменты движения, становления, длительности не даны одновременно, но в восприятии они связаны в одно целое [13, с. 53-54]. Очевидным становится, что эта связь есть специфический результат работы сознания. И в прояснении его конститутивных моментов и состоит основная задача, как ее видит Э. Гуссерль.

В разработке времени-сознания Гуссерль отходит от формального деления времени на модусы: прошлое, настоящее, будущее. Его задача – прояснить качественные характеристики данных образований, которые укоренены в сознании. Инструментами, позволяющими выработать конструкцию восприятия предмета, длящегося во времени, для мыслителя выступают: точка; начало впечатления – «праимпрессия» (*die Urimpression*); удерживающее воспоминание – «ретенция» (*die Retention*); и ожидание – «протенция» (*die Protention*).

Попробуем применить данный феноменологический инструмент к описанию процесса восприятия мелодии. Начало ее первого звука соответствует моменту «теперь» или праимпрессии, в которой тон отзвучал, и за ним появляется следующий тон (праимпрессия) и следующий (праимпрессия) и т. д. Возникающие моменты-восприятия не рассыпаются, но соединяются в линию и существуют как «только что» отзвучавшее и еще существующее в сознании. Такая особенность сознания задерживать моменты восприятия в памяти называется у Э. Гуссерля «удерживающее еще-сознание», или ретенция. Получается, что отзвучавшие тона мелодии, исчезнув физически, остаются ретенцией в памяти и длятся, протягиваются в сознании, образуя между собой смысловую связь – смысловой континуум. Но вслед за отзвучавшими тонами приходят новые. Сознание

ожидает их появление до тех пор, пока не сформируется внутреннее ощущение завершенности процесса. Так выстраивается не только ретенциональная ретроспектива, но и протенциональная перспектива. А сам процесс перетекания сознательных актов в область ожидания и удержания образует смысловое единство как живое непосредственное переживание настоящего момента времени, которое Э. Гуссерль называет «конкретным живым настоящим», или «оригинальное временное поле». Проведенный феноменологический анализ является продуктивной методологией для прояснения формирования смысла в процессе восприятия временных процессов. И музыка в этом случае, очевидно, не случайно выбрана в качестве иллюстрации данной конструкции времени-сознания. Ее эвристичность связана с эйдетичностью, абстрактностью звука, который воспринимается не только как слуховые представления, но и как сложная сознательная процедура объединения музыкальных слуховых моментов в эйдетическое осмысленное и целостное переживание [См. подробнее: 14].

В заключение, подводя итог вышесказанному, отметим, что культурно-исторические контексты и мировоззренческие установки эпохи, профессиональные настройки личности – всё это и многое неучтенное складываются в общую картину мира человека, живущего в определенный период развития культуры. На протяжении длительной истории ее развития менялись парадигмы научного мышления, но по-прежнему время, как важнейший онтологический параметр реальности, остается центром притяжения всех наук и человека. В исследова-

нии темпоральных представлений в западноевропейской культуре мы обозначили свой поиск, который связан не с естественнонаучным, а с культурфилософским параметром изучения времени, его десубстантивацией. Данный подход определил и логику поиска в направлении связи темпоральности и языка. Изучение и сравнение значений слов в индоевропейских языках, отражающих специфику представлений о «времени», инициировало работу с этимологическими словарями. Мы выявили тесную связь метафизического понятия времени с когнитивными, лингвистическими структурами. На наш взгляд, время является ценностным квазифеноменом, встроенным в структуру внутренней деятельности работы сознания и самосознания, в тигле внутренней жизни которого ведется невидимая работа проектирования личности, формирование ее идентичности. Укорененность времени и пространства в представлениях о мире, формирующих «картину мира» эпохи, делает разработку данных категорий важной для прояснения развития событий прошлого и настоящего человечества, помогает установить логические связи и наметить горизонт планирования не только повседневной, но и социальной жизни.

Основные вехи темпоральных представлений в западноевропейской культуре и временные ориентиры человека меняли его когнитивные настройки и представляли возможности для формирования новых смыслов, иных горизонтов в мироощущении и миропонимании. Решительные темпоральные повороты в истории мысли представлены в учениях Аристотеля, Аврелия Августина, Мартина Хайдеггера и Эдмунда Гуссерля.

Список литературы

1. Артог Ф. Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. № 5. С. 59-76.
2. Аристотель. Категории // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1978. С. 52-90.
3. Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. Москва: АСТ, 2003. 440 с.

4. Неретина С.С. Подступы к проблеме времени и процесса (Аристотель и Августин, Хайдеггер и Поппер) // Vox / Голос: электрон. философ. журн. 2012. Вып. 12 (июнь). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22580273_53333871.pdf [дата обращения: 11.09.2023].
5. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principle indo-european languages. A contribution to the history of ideas. Chicago: University of Chicago Press, 1949. 416 p.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Акад. проект, 2001. 990 с.
7. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. Москва: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 1996. 416 с.
8. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. Москва: Акад. проект, 2015. 277 с.
9. Деррида Ж. Письмо и различие. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2000. 432 с.
10. Делёз Ж. Различие и повторение. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 384 с.
11. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. Москва: Моск. клуб, 1992. 325 с.
12. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / под общ. ред. и вступ. ст. В.И. Молчанова. Москва: Логос; Гнозис, 1994. 162 с.
13. Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. 96 с.
14. Петинова М.А. Темпоральность музыки (Социальные и культурфилософские основания музыкальной культуры XX века): монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. 186 с.

Сведения об авторе:

Петинова Марина Александровна, кандидат философских наук, доцент, проректор по творческой и научной деятельности Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
retinovama@samgik.ru

Дата поступления статьи: 11.10.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Петинова М.А. Время в оптике десубстантивации // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 38–46. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

УДК 130.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

М.А. PetinovaSamara
The Samara State Institute of Culture
petinovama@samgik.ru

TIME IN THE OPTICS OF DESUBSTANTIVATION

This study considers the relatedness of time as a fundamental parameter of ideas about the world with consciousness and culture. The author reveals the connection between time and language, undertakes a linguistic analysis of the meanings of the word "time" revealing its etymological differences in Indo-European languages. The issue of the metaphorical imagery of time in a language is raised. Historical reconstruction of views on time is carried

out in the optics of desubstantivation through Aristotle to Aurelius Augustine, Martin Heidegger and Edmund Husserl. Using the example of musical tones reception, the process of synthesizing of temporal perceptions in consciousness is analyzed.

Keywords: time, phenomenon, temporality, Aristotle, Augustine, Heidegger, Husserl, musical tone.

References

1. Hartog, F. (2021) *Kartiny` mira i predstavleniya o vremeni* [Pictures of the World and Ideas about Time]. Transl. from French by S. Zenkin. Logos, No. 5, 59-76. (In Russian).
2. Aristotle (1978) *Kategorii* [Categories]. Transl. from Greek by A.V. Kubitskiy. *Aristotel` . Sobranie sochinenij: v 4 tomakh. Tom 2* [Aristotle. Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: My` sl`, 52-90. (In Russian).
3. Augustine Aurelius (2003) *Isповeд` blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confession of Blessed Augustine, Bishop of Hippo]. Transl. from Latin by M.K. Sergeenko. Moscow: AST. (In Russian).
4. Neretina, S.S. (2012) *Podstupy` k probleme vremeni i processa (Aristotel` i Avgustin, Xajdegger i Popper)* [Approaches to the Problem of Time and Process (Aristotle and Augustine, Heidegger and Popper)]. *Vox / Golos: e`lektronny`j filosofskij zhurnal* [Vox/Voice: Electronic Philosophic Journal], Issue 12 (June). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22580273_53333871.pdf (Accessed 11.09.2023). (In Russian).
5. Buck, C.D. (1949) *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principle Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago: University of Chicago Press. (In English).
6. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty` : Slovar` russkoj kul`tury` .* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
7. Makovskij, M.M. (1996) *Sravnitel`ny`j slovar` mifologicheskoy simvoliki v indoevropskix yazy`kax: Obraz mira i miry` obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: Image of the World and Worlds of Images]. Moscow: Humanitarnyj izdatel`skij centr "VLADOS". (In Russian).
8. Molchanov, V.I. (2015) *Fenomen prostranstva i proisxozhdenie vremeni* [Phenomenon of Space and Origin of Time]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
9. Derrida, J. (2000) *Pis`mo i razlichie* [Writing and Distinction]. Transl. from French by D.Yu. Kralechkin. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian).

10. Deleuze, J. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Distinction and Repetition]. Transl. from French by N.B. Mankovskaya and E.P. Yurovskaya. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russian).
11. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochinenij: v 4 tomax. Tom 1: Opy't o neposredstvenny'x danny'x soznaniya. Materiya i pamyat'* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 1: Experience on the Immediate Data of Consciousness. Matter and Memory]. Transl. by B.S. Bychkovskiy, A. Bauler, V. Bazarov et al. Moscow: Moskovskij klub. (In Russian).
12. Husserl, E. (1994) *Sobranie sochinenij. Tom 1: Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected Works. Vol. 1: Phenomenology of the Internal Consciousness of Time]. Transl. from German by V.I. Molchanov, ed. and introductory article by V.I. Molchanov. Moscow: Logos; Gnozis. (In Russian).
13. Precht, P. (1999) *Vvedenie v fenomenologiyu Gusserlya* [Introduction to Husserl's Phenomenology]. Transl. from German by I. Inishev. Tomsk: Vodolej. (In Russian).
14. Petinova, M.A. (2016) *Temporal'nost' muzyki (Social'ny'e i kul'turfilosofskie osnovaniya muzykal'noj kul'tury XX veka): monografiya* [Temporality of Music (Social and Cultural Philosophical Foundations of Musical Culture of the XXth Century): Monograph]. Samara: Samara State Technical University. (In Russian).

About the author:

Marina A. Petinova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Vice Rector for Creative and Scientific Work at the Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., Samara, 443010
petinovama@samgik.ru